

**Въ осажденномъ Портъ-Артуръ или
геройская смерть Митроши \= V"
osazhdennom" Port"-Arturíe`ili geroïskaía`
smert' Mitroshi.**

Москва: Типо-литографія "Русскаго Товарищества печатнаго и
издательскаго дѣла", 1904

<https://digital.library.wisc.edu/1711.dl/6DSSQNTD342TY8N>

<http://rightsstatements.org/vocab/NKC/1.0/>

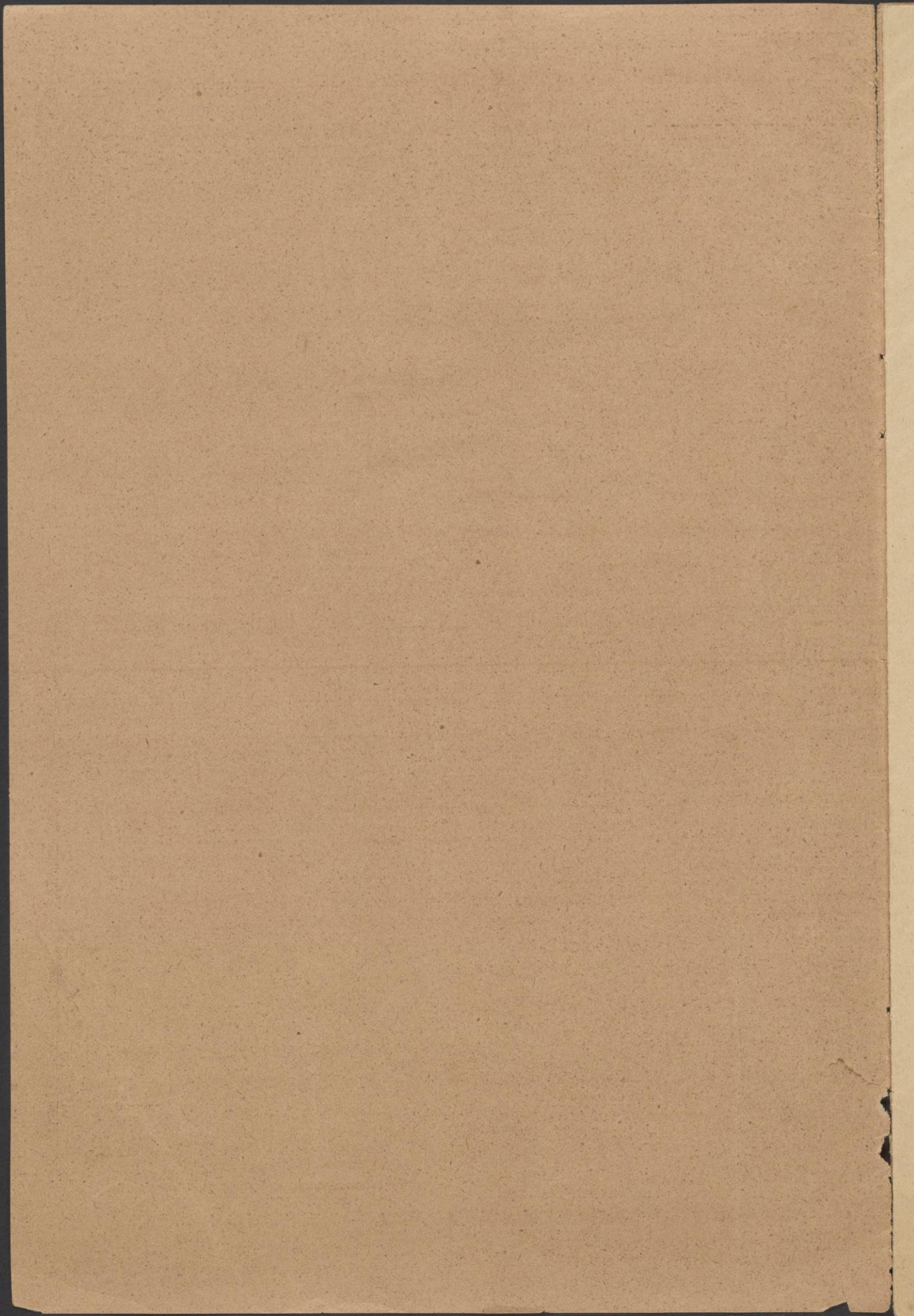
The libraries provide public access to a wide range of material, including online exhibits, digitized collections, archival finding aids, our catalog, online articles, and a growing range of materials in many media.

When possible, we provide rights information in catalog records, finding aids, and other metadata that accompanies collections or items. However, it is always the user's obligation to evaluate copyright and rights issues in light of their own use.

Въ осажденномъ Портъ-Артурѣ или геройская смерть Митроши.

Кто изъ васъ, не боишься смерти, готовъ на этотъ великій подвигъ? Вспомните, ваше высокопревосходительство! какъ одинъ человекъ восклицаетъ гарнизонъ.

Въ осажденномъ Портъ-Артурѣ

ИЛИ

Геройская смерть рядового Дмитрія Фомина.

—

I.

— Нѣтъ, братъ япоша, моихъ рукъ тебѣ не миновать, отвѣдаешь теперь русскихъ шей да каши, блюда-съ—за первый сортъ...

Такъ думалъ рядовой Дмитрій Фоминъ, находясь въ засадѣ съ ружьемъ наготовѣ и зорко слѣдя за японскимъ развѣдчикомъ, съ большой осторожностью и ловкостью карабкавшимся по крутому отвѣсистому холму, позади котораго было мѣсторасположеніе русскаго войска.

Для неусыпныхъ наблюденій за дѣйствіями японцевъ, осаждавшихъ Портъ-Артуръ, достойнѣйшимъ генераломъ гарнизона Стесселемъ, были разставлены на всемъ сухопутномъ фронтѣ крѣпости, протяженіемъ въ слишкомъ 20 верстъ, надежные люди, которымъ велѣно было зорко наблюдать днемъ и ночью за всеми движеніями и дѣйствіями непріятеля и обо всемъ видѣнномъ доносить начальству.

Рѣдко кто изъ этихъ героевъ оставался на своей позиціи дольше одного дня: если смѣлаго развѣдчика совсѣмъ не разрывала вражеская граната, то, по меньшей мѣрѣ, его уносили оттуда раненымъ. Солдаты знали объ этомъ, однако съ радостью шли на развѣдки, исполняя долгъ свой передъ Царемъ и отечествомъ.

Дольше другихъ оставался въ своей позиціи Фоминъ. Позиція ли его уже была такъ хороша, что ли,—онъ скрывался въ расщелинѣ одной скалы подъ горкой, гдѣ отлично могъ видѣть, что дѣлается кругомъ его, не будучи притомъ никѣмъ

замѣченнымъ, — или ему просто везло, неизвѣстно, но онъ неоднократно имѣлъ возможность доставлять своему начальству весьма важныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ японцевъ, за что онъ былъ отличаемъ и считался на виду.

Въ этотъ день — день пасмурный и туманный, [какихъ не мало на Квантунскомъ полуостровѣ, находясь въ засадѣ и за-
таивъ дыханіе, Фоминъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми движеніями карабкавшагося японца. Застрѣлить японца онъ могъ бы давно. Это было болѣе чѣмъ легко, стоило только спустить курокъ лежавшаго передъ нимъ ружья и японецъ готовъ. Но ему хотѣлось взять японца живьемъ и доставить своему начальству.

Японецъ тѣмъ временемъ продолжалъ свой трудный путь, передвигаясь на животѣ по крутому, почти отвѣсному холму, и съ величайшимъ усиліемъ цѣплялся за выступы скалы, поддерживая равновѣсіе своимъ штыкомъ. И какому риску подвергался теперь японецъ, стоило ему сорваться и онъ тотчасъ стремительно полетѣлъ бы внизъ въ глубокую долину и тамъ ему капутъ.

И Фоминъ видѣлъ, какъ японецъ то и дѣло останавливался, держась одной рукой за скалу, а другой отиралъ потъ, который градомъ катился съ его лица. И японцу тоже не легко, думалъ Фоминъ, онъ тоже вѣдь исполняетъ приказанія своего начальства. И ему даже жаль стало японца. Въ другое время Фоминъ навѣрно помогъ бы ему вскарабкаться, но теперь, полный готовности исполнить приказанія своего собственнаго начальства и угодить ему, онъ ждалъ, не могъ дождаться, пока японецъ не приблизится къ нему настолько, чтобы наброситься на него неожиданно и схватить его...

И какъ тутъ надо было дѣйствовать осторожно. Вѣдь японецъ тоже парень не промахъ. Пожалуй, такъ легко не сдастся, и онъ предпочтетъ скорѣе броситься со скалы внизъ головой, чѣмъ попасться въ руки. Они, пожалуй, тоже не уступятъ русскимъ въ храбрости... Японецъ тѣмъ временемъ настолько приблизился къ нему, что Фоминъ могъ хорошенько разсмотрѣть его ли-

ЗАЩИТНИКЪ ПОРТЪ-АРТУРА

Генераль-Адъютантъ А. М. СТЕССЕЛЬ.

цо и всю фигурку. Какой онъ махонькій,— ихъ плохо кормятъ что-ли, а глазки какіе вертлявые, черненькіе, какъ у мышенка... Онъ съ нимъ справится, въ этомъ Фоминъ вовсе не сомнѣвался, поймать-бы лишь его и лично доставить генералу „Стецелю“... Но едва успѣлъ онъ мысленно произнести эти слова, какъ неожиданно раздался выстрѣлъ. Фоминъ такъ и замеръ. Онъ сначала думалъ, что его вѣроятно замѣтилъ японецъ и выстрѣлили въ него, и такимъ образомъ весь его планъ разомъ разрушился. Фоминъ тотчасъ посмотрѣлъ на японца и тутъ же замѣтилъ, что и послѣдній не менѣе его былъ озадаченъ этимъ неожиданнымъ выстрѣломъ. Онъ догадался, что

выстрѣлъ последовалъ по неосторожности японца и тутъ, воспользовавшись его замѣшательствомъ, набросился на него и потянулъ къ себѣ...

— Ага, попался! радостно вскрикнулъ онъ: стой, стой, не рвись, лучше сдавайся добромъ, — все равно не выпущу.

Японецъ на первыхъ порахъ до того растерялся, что остался съ минутою неподвиженъ, но, придя въ себя, такъ освирѣпѣлъ, что сразу откусилъ половину уха у Фомина, и между обоими воинами началась борьба на жизнь и смерть. Они оба, вцѣпившись другъ въ друга, въ нѣмомъ молчаніи катились по землѣ, описывая круги. Это была борьба безъ словъ, только слышно было, какъ одинъ визжалъ, издавалъ яростные односложные звуки, а другой скрежеталъ зубами и рычалъ, какъ раненый звѣрь. Японецъ бился ногами, головой и всѣмъ туловищемъ и всего искусалъ Фомина: носъ, губы, щеки и уши, который въ свою очередь все сильнѣе припиралъ ему колѣнами животъ, приговаривая:

— Ты у меня не кусайся, подлый япоша, слышишь, а то я тебѣ зубы вышиблю. Но японецъ не унимался. У нихъ обоихъ лица были окровавленные, у Фомина отъ укушеній, у японца отъ ссадинъ. Неизвѣстно, долго ли продолжался бы еще этотъ поединокъ и кто изъ нихъ вышелъ бы изъ него побѣдителемъ; быть можетъ, что они оба замертво остались бы на мѣстѣ, если въ это время изъ ближайшаго поста не пришелъ бы другой русскій солдатъ.

Увидавъ его, Фомина промолвилъ, задыхаясь:

— Помоги, братъ, связать супостата, изъ рукъ рвется, чуть не одолѣлъ, анаема.

Почувствовавъ, что японца держать товарищъ, и что теперь ему не вырваться изъ его рукъ, Фомина быстро вскочилъ на ноги.

— Лѣшій, кусаться вздумалъ, ты не кусайся... слышь, а лупи въ рыло... Вотъ такъ, понима-а-ешь, япошъ, а то кусаться какъ баба...

Парламентеръ съ предложениемъ о сдачѣ Портъ-Артура.

— „Ежели, говоритъ, ты посмѣешь еще разъ явиться ко мнѣ съ такимъ письмомъ, то я велю тебя тотчасъ повѣсить, такъ и знай“.

Не смотря на кровь, которая струилась съ его лица, и на сильную боль, которую онъ испытывалъ, въ голосѣ Фомина слышалась нескрываемая радость. Что значать эти укушенія, эта боль,— все скоро заживетъ, скоро пройдетъ, а если и не скоро, и то не бѣда; но зато онъ взялъ живьемъ японца.

Не смотря на то, что японца теперь крѣпко держали, онъ и теперь еще не сдавался и по прежнему рвался изъ рукъ, бросался изъ стороны въ сторону, падалъ на землю и снова поднимался, но тутъ по данному сигналу сбѣжалось еще нѣсколько человѣкъ солдатъ и молодчикъ вскорѣ былъ доставленъ по начальству.

II

Бомбардировка крѣпости продолжалась тѣмъ временемъ съ необыкновеннымъ упорствомъ и жестокостью. Японцы, видя, что русская твердыня не такъ легко дается имъ, какъ они полагали первоначально, въ своей злобѣ и жестокости посылали на крѣпость огненный градъ гранатъ и шрапнель. Цѣлыя сутки, съ утра до вечера и съ вечера до утра ихъ снаряды летѣли надъ городомъ, разрывались на части, убивали людей и животныхъ, разрушали дома и цѣлые кварталы. Артуръ сталъ теперь неузнаваемъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ такъ недавно красовались своей архитектурной отдѣлкой дома, теперь валялись одни полуразрушенные камни и кирпичи. Вотъ одиноко стоитъ остовъ дома, крыша котораго снесена гранатой; фронтальная стѣна полуразрушена и даетъ возможность видѣть, что внутри дома. Какой хаосъ! Дорогая мебель, обитая бархатомъ, опрокинута и разбита; на паркетномъ полу валяются осколки разбитой дорогой посуды, немного подальше—статуэтка рѣдкой мозаичной работы разбросаны въ беспорядкѣ. Теперь все это никому не нужно и никого не интересуетъ здѣсь. Обитатели этого дома давнымъ давно покинули свое насиженное гнѣздо и спаслись, кто какъ могъ. Нѣкоторыя улицы совершенно опустѣли. Вонъ тамъ, на одной изъ нихъ лежитъ трупъ, котораго

еще не успѣли предать землѣ. Кто это такой? Китаецъ или русскій? По платью кажется китаецъ, а по лицу какъ будто не китаецъ,—но лица то у него и нѣтъ, все какъ есть изуродовано... Немного поодаль валяется полусгнившій остовъ лошади, и вороны, напуганныя вѣчнымъ громомъ пушекъ, не дотрагиваются теперь до лакомаго для нихъ блюда. Вотъ на другой улицѣ медленно двигается какая то мрачная фигура, голая и босая...

А между тѣмъ, огненная стихія ни на минуту не прекращается; шумъ и трескъ разрывныхъ гранатъ потрясаетъ воздухъ. Многіе уже совсѣмъ оглохли, нѣкоторые лишились ума, вездѣ царитъ смерть, вездѣ—разрушеніе... Но крѣпокъ духъ гарнизона, крѣпки жизненные силы русскаго человѣка. Никакія японскія пушки не въ состояніи сокрушить ихъ. Вотъ этимъ то духомъ держится крѣпость, стоитъ непоколебимо русская твердыня.

III

По срединѣ этого хаоса, который царитъ въ городѣ и на улицахъ, слышится громъ военного оркестра и шумъ тяжелой артиллеріи и пѣхоты. Кто то мчится на ворономъ конѣ, громкіе крики „ура“ и трубный звукъ встрѣчаетъ его. Это генералиссимусъ Стессель. Изъ устъ пойманнаго японца удалось вырвать признаніе о томъ, что непріятель готовитъ новую атаку, новый штурмъ крѣпости и генераль объявилъ смотръ войскамъ.

Бѣглый взглядъ достаточенъ генералу для того, чтобы опредѣлить состояніе и духъ войскъ. Все чисто, одежда цѣла, пуговицы и ружья блестятъ, настроеніе бодрое. Только въ заднихъ рядахъ у нѣкоторыхъ солдатъ порвана амуниція, кой у кого голова совсѣмъ не прикрыта, но взоръ генерала скользитъ мимо.

— Ребята, громкимъ и яснымъ голосомъ молвить генераль, тамъ за окопами находитесь, стотысячная непріятельская армія, съ ружьями и штыками въ рукахъ, готовая каждую минуту ворваться въ крѣпость, уничтожить нашъ гарнизонъ и отнять наши пушки, взять крѣпость,—оплотъ царя и всего русскаго народа.

— „Мы наших схоронили съ подобающей честью, крестомъ, молитва
безъ всякихъ крестовъ и молитвы, а какъ собакъ сжигали“.

и тѣми и иконой,—офицеровъ и солдатъ схоронили вмѣстѣ,—а они своихъ

Ихъ артиллерія окружила насъ огненнымъ кольцомъ и держитъ насъ взаперти, вотъ ужъ скоро три мѣсяца... Надо во чтобы то ни стало штыками прорваться сквозь непріятельскую цѣпь, достигнуть нашей Маньчжурской арміи, которая, я увѣренъ, всѣми помыслами стремится къ намъ, и дать ей знать о нашихъ испытаніяхъ. Кто изъ васъ, не страшась смерти, готовъ на этотъ великій подвигъ?

— Всѣ, ваше высокопревосходительство! какъ одинъ человекъ восклицаетъ гарнизонъ.

— Молодцы, ребята!

— Рады стараться, ваше высокопревосходительство-о-о-о!..

— Къ двумъ часамъ ночи всѣмъ быть на готовѣ и выступить въ походъ въ количествѣ двухъ полковъ. Полки раздѣлить на три колонны, изъ которыхъ правой, подъ руководствомъ опытнаго полководца Кондратенко, открыть бой лихимъ оружейнымъ огнемъ; лѣвая колонна, сдѣлавъ обходное движеніе, должна пересѣчь наступленіе непріятеля перекрестнымъ огнемъ, а третьей оставаться въ засадѣ до послѣдней минуты, а затѣмъ, когда бой разгорится и достигнетъ крайняго напряженія, — всѣмъ выступить одновременно, и воспользовавшись замѣшательствомъ непріятеля, взять его въ штыки. Остальному гарнизону оставаться въ крѣпости и быть ко всему готовымъ...

— Слушаемся, ваше высокопревосходительство!

— А теперь: взводы стройся, полуоборотъ направо, шагомъ маршъ!

Забилъ барабанный бой, загремѣла музыка.

Пропуская мимо себя войско, генераль задумчиво смотритъ имъ влѣдъ. На что стали похожи, тѣни, а не живые люди, а рвутся въ бой; теперь вся надежда крѣпости на нихъ... О! если бы можно было повидать Куропаткина, шепнуть ему два-три слова, и крѣпость, кажется, была бы спасена... А теперь положеніе плохое, японцы окружили крѣпость, сами не идутъ и другихъ не пускаютъ. Разбойники, оцѣпили насъ съ моря и съ суши... На тринадцать фортовъ взято семь... Что будетъ дальше?

- Кто изъ васъ, не страшась смерти, готовъ на этотъ великій подвигъ?
- Всъ, ваше высокопревосходительство! какъ одинъ человекъ восклицаетъ гарнизонъ.

Но нѣтъ, не легко будетъ имъ взять Артуръ изъ русскихъ рукъ. Это не у китайцевъ. Въ Тигровомъ хвостѣ ихъ ждетъ сюрпризецъ, въ Перепелиной горѣ тоже приготовлено для нихъ угощеніе, а тамъ около сопокъ, противъ сѣвернаго фронта крѣпости... Генераль не договорилъ послѣднихъ словъ и, быстро обернувшись назадъ, какъ бы желая удостовѣриться нѣтъ ли здѣсь кого нибудь, кто могъ бы узнать его сокровенную тайну, помчался дальше.

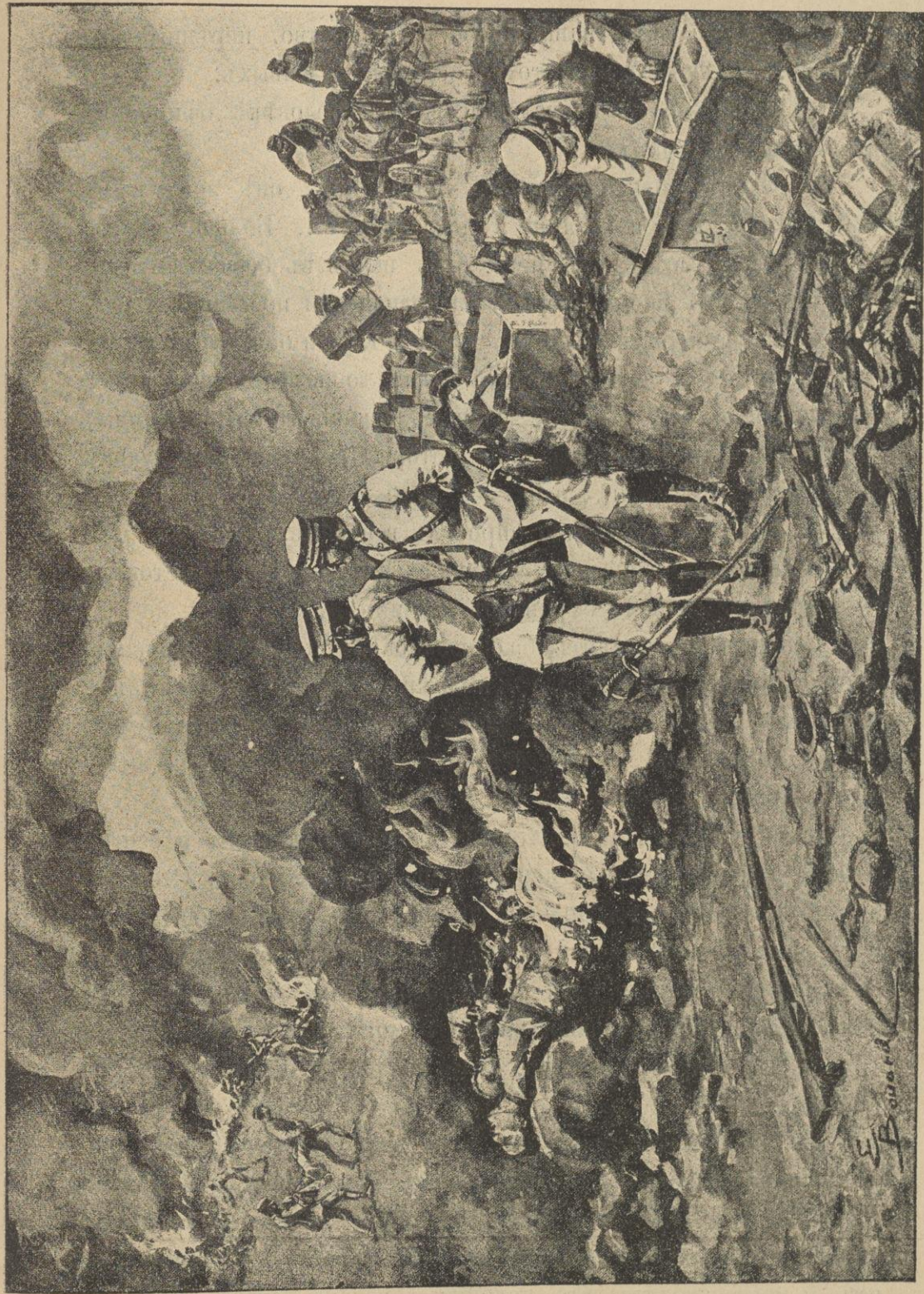
IV.

Полуразрушенное зданіе военнаго штаба по временамъ содрогается отъ разрывныхъ гранатъ, которыя пролетаютъ надъ самой крышей. Генераль Стессель взволнованно ходитъ взадъ и впередъ по своему кабинету. Адъютантъ его, сидя за письменнымъ столомъ нетерпѣливо грызетъ ручку пера.

— Ни одинъ человѣкъ не вернулся... Всѣ переколоты... Настоящая бойня... Генераль порывисто останавливается, третъ лобъ.

— Но и японцевъ, ваше высокопревосходительство, погибло не мало. Ихъ цѣлая дивизія, слишкомъ тридцать тысячъ человѣкъ. Всѣхъ до одинаго взорвало на воздухъ... Командиръ говоритъ, что люди, какъ саранча, неслись въ воздухъ. Отдѣльныя части человѣческаго тѣла вмѣстѣ съ осколками снарядовъ, летѣли на недостижимой высотѣ... Воздухъ дрожалъ отъ человѣческихъ криковъ и стоновъ, которые заглушали громъ пушекъ. Траншеи и окопы завалены цѣлыми грудami безформенной человѣческой массы. И на этотъ разъ крѣпость спасена.

— И на этотъ разъ крѣпость спасена, медленно и въ раздумьи повторяетъ генераль слова своего адъютанта: Но какой цѣной, и подуматъ страшно!.. Но кто взорвалъ подъ японцами камне-металки? Я дорого далъ бы, если бы могъ узнать, кто изъ нашихъ героевъ совершилъ этотъ подвигъ? Позвать сюда оставшихся офицеровъ.

Сожжение японцами труповъ убитыхъ воиновъ послѣ штурма Портъ-Артура.

— Никого нѣтъ, ваше превосходительство, нерѣшительно отвѣчаетъ адъютантъ, никто не остался въ живыхъ.

— Какъ? изъ ста двадцати восьми человѣкъ офицеровъ не остался ни одинъ?

— Одинъ только полковой командиръ; онъ лежитъ въ амбулаторіи, его показаніе я докладывалъ... Больше ничего нельзя было узнать отъ него. Онъ впалъ въ безпамятство...

Но въ это время дверь зашевелилась и послышался слабый стукъ. Генераль толкнулъ дверь и такъ и остался на мѣстѣ отъ изумленія. У самого порога какая то безформенная масса зашевелилась. Это былъ не человѣкъ, а какія то изуродованныя части человѣческаго тѣла, въ которыхъ какимъ то чудомъ сохранились признаки жизни.

— Кто это? изумленно спросилъ генераль.

— Это я... ваше высокопревосходительство... простонала безформенная масса,—ефрейторъ Фоминъ.

Генераль и адъютантъ оба бросились къ раненому и съ большой осторожностью подняли его и положили на диванъ. Адъютантъ поспѣшно набросилъ на его ноги свою шинель и отвернулся.

— Ой, больно, вырвался протяжный стонъ больного и онъ весь задрожалъ.

Дали знать въ амбулаторію, прибѣжали докторъ и сестра и пока раненому дѣлали первую перевязку, генераль Стессель не отходилъ отъ него. Больной пришелъ въ себя, пошевелился, и открылъ окровавленный ротъ, намѣреваясь повидимому говорить, но не чувствуя себя въ состояніи. Надо было дорожить каждой минутой: показанія раненаго могли быть очень важныя.

— Ты откуда, Фоминъ? тихо и ласково спросилъ его генераль.

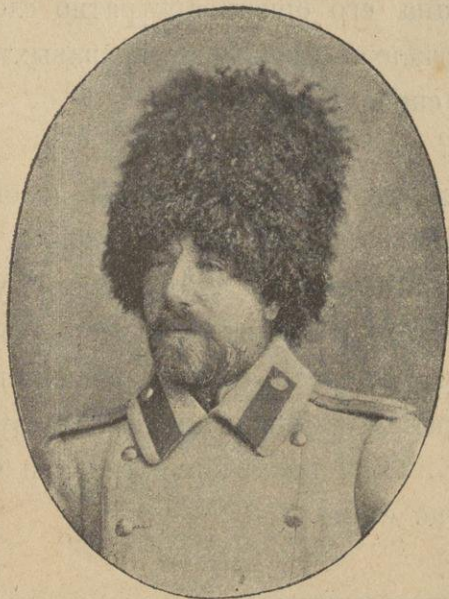
— Съ позиціи... ваше высокопревосходительство, изъ форта Итшана... добрался ползкомъ сюда... Былъ сшибленъ непріятельской пулей и когда поднялся, вижу японцевъ, въ числѣ цѣлаго полка приближающихся къ нашему форту... Я немѣшалъ имъ и какъ увидалъ, что подошли довольно близко, взорвалъ ихъ...

Генераль, какъ стоялъ, такъ и бросился цѣловать раненаго.

— Братъ мой, сынъ мой! Ты спасъ крѣпость,—на, вотъ, государь жалуетъ тебѣ,—и при этихъ словахъ онъ лично надѣлъ ему на грудь крестъ, который снялъ съ себя.

— Какъ же ты узналъ, гдѣ проводъ? продолжалъ генераль.

— Штабсъ капитанъ Высокихъ открыли, ваше высокопревосходительство. Когда сталъ подниматься на горку, слышу окрикъ, обернулся и издали замѣтилъ раненаго капитана, кото-

Полковникъ Заамурскаго полка П. Д. Бутусовъ,

одинъ изъ защитниковъ Портъ-Артура, награжд. орденомъ св. Георгія 4-й степени.

рый машетъ мнѣ рукой... Я моментально подбѣжалъ къ нимъ; я имъ: ваше благородіе, дозвоьте на плечахъ отнести васъ въ „алумбатурію“. Качаютъ головой: ненадо, молю. Они дѣлаютъ мнѣ знакъ нагнуться къ нимъ и тутъ шепнули мнѣ на ухо, гдѣ заложены камне-металки, фугасы и, указывая пальцемъ, велѣли побѣжать туда... Я смекнулъ въ чемъ дѣло и... голосъ раненаго на минуту оборвался,—надавилъ проводъ, отскочилъ. Трескъ... но видно немного запоздалъ: обѣ ноги оторвало, все нутро отшибло, лицо и пальцы обожгло... Темно въ глазахъ стало,

и когда я очухался, взглянулъ, — отъ японцевъ и помину нѣтъ: однѣ груды тѣлъ.

Голосъ раненаго совершенно упалъ. Потъ выступилъ на лбу. Зловѣщая блѣдность, покрывшая его лицо, возвѣщала о приближеніи рокового момента. Но онъ еще не умеръ.

— Письмо... ваше благородіе, обратилъ онъ голову въ сторону адъютанта: для родителей... Его рука конвульсивно хваталась за карманъ. Адъютантъ бросился къ умирающему и вынулъ изъ кармана его брюкъ аккуратно сложенное письмо, на которомъ замѣчалось нѣсколько кровавыхъ пятенъ и, показавъ больному, спросилъ:

— Это самое?

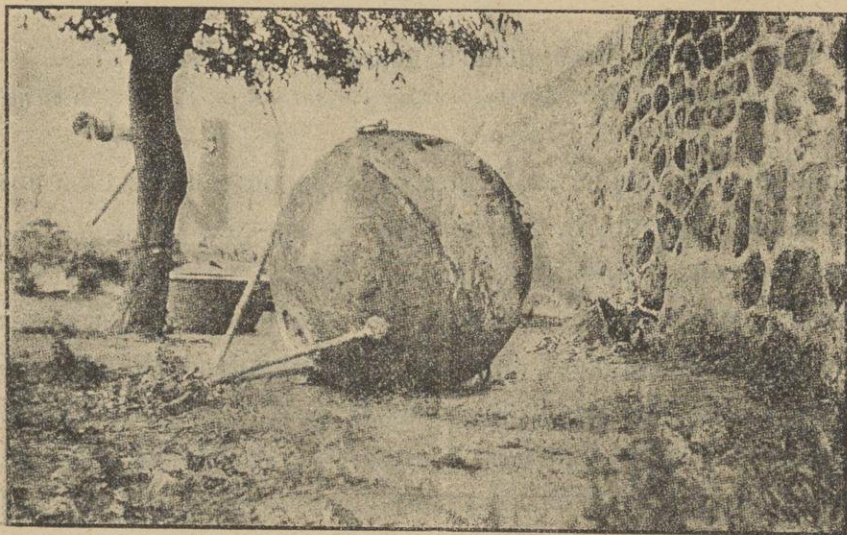
Больной утвердительно шевельнулъ головой.

— Я самъ отошлю, промолвилъ генералъ, будь спокоенъ, Фоминъ. Запиши адъютантъ: „Родителямъ унтеръ-офицера Дмитрія Фомина, — такъ и пишите, — „унтеръ-офицера“ Дмитрія Фомина, Государь Императоръ, за геройскій подвигъ и самоотверженіе ихъ храбраго сына жалуетъ 200 рублей.

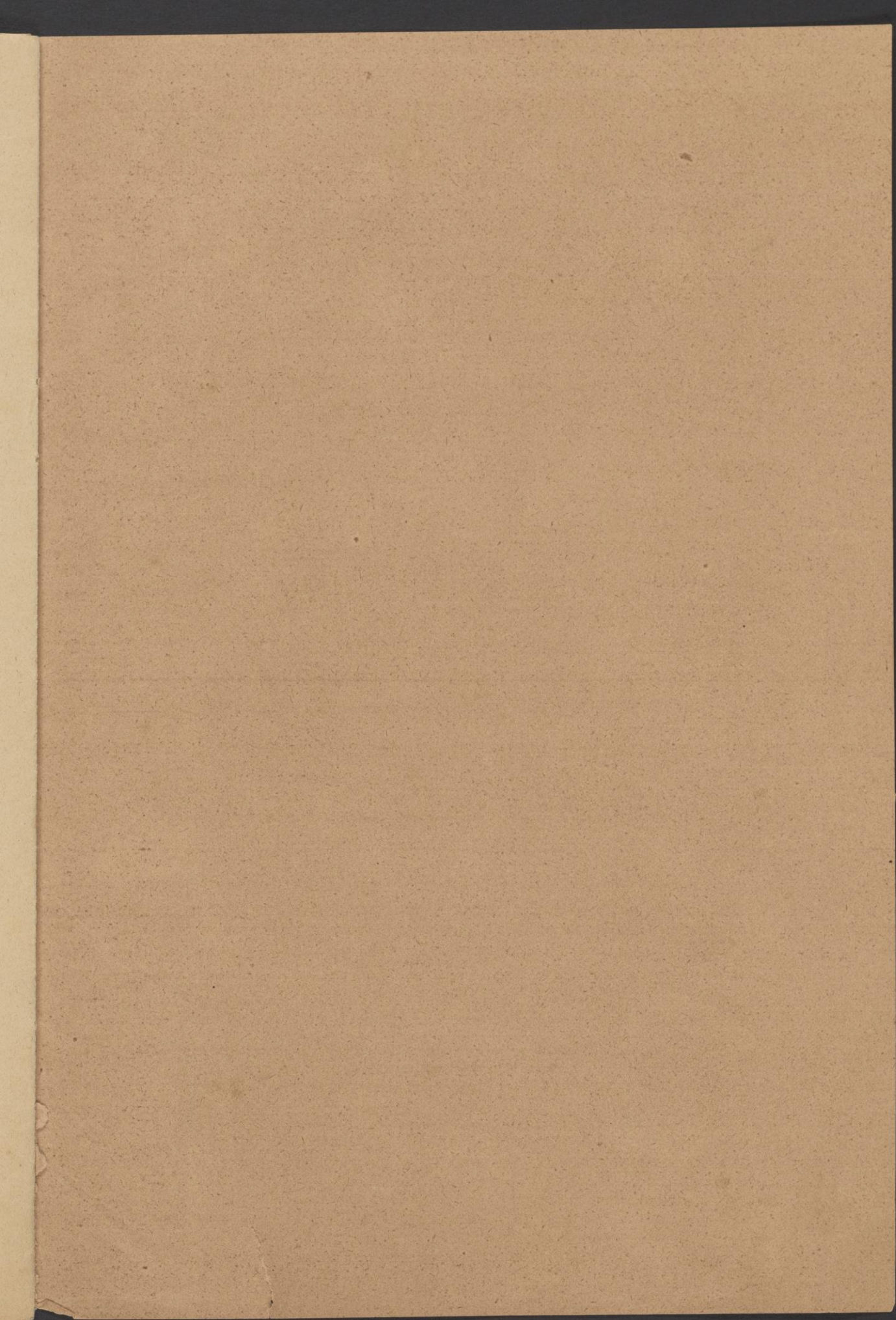
— Спа-си-бо... были послѣдними словами Фомина.

Юнаго героя не стало.

В. Р.

Русская мина выловленная близъ Тіенцзина.

Прибытіе раненыхъ въ Москву.

Портретъ **ЗАЩИТНИКА** Портъ-Артура Генераль-Адъютанта **А. М. СТЕССЕЛЬ**. Исполненъ въ 12 красонъ (олеографіей).

Картина, изображающая моментъ, когда *Его Императорское Величество* **ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ** благословляетъ войска, отправляющіяся на *Дальній Востокъ*.

Осажденный „**ПОРТЪ-АРТУРЪ**“. Картина-карта. Видъ Портъ-Артура и окрестностей.

МОБИЛИЗАЦІЯ. Призывъ на защиту родины. Малютка благословляетъ отца на великій подвигъ (покрести, дитятко, и ты тятю), и брошюры такого же названія.

Брошюра **Штурмъ Портъ-Артура** съ 26-ю иллюстраціями.

Доводимъ до свѣдѣнія гг. торговцевъ, что, кромѣ того, мы имѣемъ большой выборъ различныхъ картинъ и картъ къ военнымъ событіямъ на Дальнемъ Востока, а также брошюры и книги для народа. По мѣрѣ хода военныхъ событий мы будемъ выпускать новыя изданія.

Съ требованіями просимъ обращаться въ типо-литографію **Русскаго Товарищества** печатнаго и издательскаго дѣла: Москва, Чистые пруды, Мыльниковъ пер., собств. домъ, и къ оптовымъ торговцамъ.

Дозволено цензурою. Москва, 30 октября 1904 года.

Типо-литотрафія „Русскаго Товарищества печатнаго и издательскаго дѣла“. Москва, Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.